

УДК 82:13
ББК 87.3(2)522:83.3

Венди Элгерсма Хеллеман

Университет Торонто, доктор философии, приглашенный научный сотрудник, кафедра классической литературы, Канада, Торонто, e-mail: hellemanw@gmail.com

София В.С. Соловьёва и Беатриче Данте

Аннотация. В данном исследовании автор утверждает, что поэты-символисты, такие как А. Блок, увидевшие отголоски дантовской Беатриче в образе Софии Владимира Соловьёва, не ошиблись. Установлены параллели в развитии темы любви в творчестве символистов и Вл. Соловьёва. Отмечается, что символистское понимание Софии не учитывало в должной мере влияния романтизма, господствовавшего в русской культуре и эстетике конца XIX века, на образ Софии Вл. Соловьёва. С использованием историко-литературных и философских методов дан анализ рецепции образа дантовской Беатриче и блоковской Прекрасной Дамы в творчестве Вл. Соловьёва. Доказывается, что тема любви к Прекрасной Даме у трубадуров, трансформированная в «Божественной комедии» в средство выражения любви к Богу, свойственна и соловьёвскому теургическому подходу к преобразующему характеру красоты и любви. Признавая историческую дистанцию между Данте и Соловьёвым, с применением литературно-философского анализа аргументируется использование тем христианского платонизма для решения двух существенных нерешенных проблем в понимании образа Софии: во-первых, гностический дуализм образа Софии у Соловьёва; во-вторых, вопрос о божественном статусе Софии. Делается вывод о том, что рецепция платонизма в творчестве Соловьёва и мистическое понимание им образа Софии оставались преимущественно монистическими, в соответствии с традиционным неоплатоническим мистицизмом.

Ключевые слова: учение о Софии, образ Беатриче, образ Прекрасной Дамы, неоплатонизм, неоплатонический мистицизм, романтизм, архетипы, экземпляризм, символизм, теургия, гностический дуализм

Wendy Elgersma Helleman

University of Toronto, Doctor of Philosophy, Visiting Scholar, Department of Classics, Canada, Toronto, e-mail: hellemanw@gmail.com

V.S. Solovyov's Sophia and Dante's Beatrice

Abstract. In this study, the author claims that symbolist poets, such as A. Blok, who saw echoes of Dante's Beatrice in the image of Sofia by Vladimir Solovyov, were not mistaken. Parallels are drawn in the development of the theme of love in the works of symbolists and V. Solovyov. It is noted that the symbolist understanding of Sofia did not take into account the influence of Romanticism on the image of Sofia V. Solovyov, dominating in Russian culture and aesthetics of the late XIX century. Using historical, literary and philosophical methods, the author analyzes the reception of the image of Dante's Beatrice and Blok's Beautiful Lady in the works of V. Solovyov. It is proved that the theme of love for a Beautiful Lady among the troubadours, transformed into a means of expressing love for God in the

Divine Comedy, is also characteristic of Solovyov's theurgic approach to the transformative nature of beauty and love. Recognizing the historical distance between Dante and Solovyov, using literary and philosophical analysis, the use of themes of Christian Platonism is argued to solve two significant unresolved problems in understanding the image of Sophia: firstly, the gnostic dualism of the image of Sophia in Solovyov; secondly, the question of the divine status of Sophia. It is concluded that the reception of Platonism in Solovyov's work and his mystical understanding of the image of Sophia remained predominantly monistic, in accordance with traditional Neoplatonic mysticism.

Key words: the doctrine about Sophia, the image of Beatrice, the image of a Beautiful Lady, Neoplatonism, Neoplatonic mysticism, Romanticism, archetypes, instantialism, symbolism, theurgy, gnostic dualism

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.1.065-079

700-летие со дня смерти Данте – подходящий повод поразмышлять о том огромном влиянии, которое его творчество имело далеко за пределами Италии и Западной Европы, включая признание гениальности его поэзии в России.

Тексты Данте были хорошо известны в России, его идеи и образы были близки многим дореволюционным авторам. Это подтверждает обширное исследование В.Т. Данченко, отражающее весь спектр переводов трудов Данте на русский язык и критической литературы о нем в период с 1762 по 1972 год¹.

Эта важная годовщина является также хорошей возможностью вспомнить тезисы исследования, опубликованного около десяти лет назад и посвященного теме образов Софии и Беатриче в творчестве Вл. Соловьева и Данте соответственно².

Что же привлекало Соловьева в произведениях Данте и особенно в образе Беатриче? Центральный вопрос, которому посвящено настоящее исследование, заключается в том, что Соловьев переосмысливает образ Беатриче у Данте, развивая свое понимание Софии, одного из центральных образов его творчества.

Обращение Владимира Соловьева к теме Софии неизбежно включало в себя идею божественной Мудрости, основывающуюся на древнерусской традиции почитания Софии Премудрости Божией (см., например, почитание Новгородской иконы Святой Софии)³. Беатриче для Данте – «та, что приносит благословение или счастье», она была его знакомой дамой, которой он, наряду с поэтами-трубадурами, адресовал стихи любви и восхищения, воспевая ее выдающуюся

¹ См.: Данченко В.Т. Данте Алигьери: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке, 1762–1972 / Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит. М.: Книга, 1973, 266 с. [1]. См. также: Davidson Pamela. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov; a Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge UK: University Press, 1989. 319 p. [2]; Potthoff Wilfried. Dante in Russland. Zur Italienrezeption der russischen Literatur von der Romantik zum Symbolismus. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1991. 682 p. [3].

² Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. Lewiston NY: Mellen, 2010. 403 p. [4].

³ См.: Соловьев В.С. La Russie et l'église universelle. Paris: Librairie Stock, 1922. С. 263–264 [5]; Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. СПб.: Просвещение, 1911–1914. Т. 9, С. 172–193, особенно 188 [6].

красоту, достойную рыцарской преданности⁴. В «Божественной комедии», однако, Беатриче уже оказывается небесной путеводительницей и наставницей Данте, подобно Госпоже Философии у Боэция⁵, демонстрирующей в собственном лице само определение Философии как «обращение к Мудрости с любовью»⁶.

Наше исследование литературного образа Софии В. Соловьева в его сопоставлении с образом несравненной Дамы у Данте строится вокруг темы любви к Прекрасной Даме. Эта любовь олицетворяет и божественную мудрость, и любовь к людям в их бедственном положении, когда они, заблудшие и падшие, ищут выход в своих странствованиях, предназначение которых – воссоединение с Богом как их первоначалом и целью. В исследовании приводятся доводы в пользу важности этой темы для обоих авторов – темы, уходящей корнями в христианский платонизм. Сочинение Соловьева «София» прочитывается с точки зрения теургической поэтической задачи, которую Соловьев взял на себя и которую в итоге нашел невероятно сложной.

Наша аргументация строится на признании центральной роли Софии в творчестве Соловьева, в частности в его ранней незаконченной рукописи «София [La Sophia]» (1875–1876 гг.)⁷ и работах «Чтения о Богочеловечестве» (1878–1881 гг.)⁸ и «Россия и Вселенская церковь» (1887–1888 гг.). Настоящее исследование дистанцируется от уже имеющихся многочисленных исследований, склонных подчёркивать разнообразие и противоречия в определении Софии⁹.

На наш взгляд, Владимир Соловьев подходит к осмыслению Софии на основе различных подходов – литературного, философского и теологического. Соловьев, так же, как и Данте, отмечал сложность формулирования своего мистического видения Софии, невозможность полностью выразить переживание им блаженного видения Всеединства¹⁰. Стоит обратить внимание на то, что

⁴ См.: Helleman. Solovyov's Sophia. С. 235–238.

⁵ См.: Helleman Wendy E. The Feminine Personification of Wisdom: A Study of Homer's Penelope, Cappadocian Macrina, Boethius' Philosophia, and Dante's Beatrice. Lewiston NY.: Mellen, 2009. С. 20–246 [7].

⁶ См.: Dante Alighieri. Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana. Michele. 2nd ed. Firenze: Nella Sede della Società, 1960; Firenze: R. Bemporad, 1921. 933 с. [8]. Об итальянском тексте La Divina Commedia см.: Barbi, 443–798; об Il convivio см.: Barbi, 143–293. Конвивио (Пир) был переведен Ричардом Лансингом на английский язык: Dante Alighieri. The Convivio / trans. by Lansing Richard H. NY.: Garland, 1990. 274 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://dante.ilt.columbia.edu/books/convivi/index.html/> [9]. См. Также: Helleman. Solovyov's Sophia. С. 208, 212–213.

⁷ См.: Rouleau F., Soloviev V. La Sophia et les autres écrits français. Lausanne: L'Age d'homme/la cité, 1978. С. 3–77 [10]. Параллельный французско-русский текст см.: Козырев А.П. Ла София // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 8–161 [11].

⁸ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве (1877–1881). С. 1–181.

⁹ См. Zenkovsky V.V. A History of Russian Philosophy. In 2 vols. / trans. by George L. Kline. NY.: Columbia University Press; London: Routledge and Kegan Paul, 1953. С. 493, 505–07 [12].

¹⁰ См.: Dante Alighieri. La Divina Commedia // Dante Alighieri. Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana. Michele. («Paradiso», 33.79–145). См. также: Helleman. Solovyov's Sophia. С. 243–244.

София и софийное видение были проявлением внутреннего единства его философских исследований и его жизненной задачи – обретение воплощения красоты в этом мире как теургической задачи обожения человечества – Богочеловечества. Эта идея Соловьева восходит к самым корням православия, которое рассматривает христианскую жизнь как путь обожения, соучастия в божественной природе (греч. *theôsis*, *theopoiêsis*). Это представление основано на новозаветном тексте Второго послания Петра (2 Пет.1:3-4): «Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благостию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» – и восходит к святому Афанасию в ранней христианской традиции¹¹.

Рассматривая Беатриче у Данте как предшественницу Софии у Соловьева, мы продолжаем тему, уже начатую поэтами-символистами, особенно вторым их поколением: А. Блоком, А. Белым и В. Ивановым, которые в своем творчестве в изображении возлюбленной дамы признали в визионерском изображении Софии Соловьевым отражение Беатриче. Символисты также развили концепцию любви Соловьева, включающую образ Прекрасной Дамы как архетип «Вечной Женственности», что наиболее ярко выражено в позднем стихотворении Владимира Соловьева «Три свидания» (1898 г.)¹². Такое обращение поэтов-символистов к Соловьеву не было безусловным¹³, поскольку их символическая поэзия обычно объединяла изображение Софии с образами Беатриче или Девы Марии. В настоящем исследовании мы рассматриваем эту проблему с точки зрения романтизма как контекста для соловьевского прочтения Данте. Романтизм как контекст также важен и для рассмотрения влияния общего наследия христианского платонизма на творчество Данте и Соловьева.

Прочтение Данте через призму романтизма

Научные исследования темы Софии в творчестве Соловьева и её связи с образом Беатриче у Данте, в частности работа Памелы Дэвидсон *The Poetic Im-*

¹¹ «Мы причастны Сыну Божьему, мы так же причастны и Богу, и это было то, что сказал апостол Пётр: "...соделались причастниками Божеского естества"» (по-гречески: *autou gar tou Huiou metechontes, tou theou metechein legometha; kai touto estin ho elegen ho Petros, Hina genêsthe theias koinônai phuseôs*) (см.: Афанасий Александрийский. *Orationes contra Arianos* / ed. Migne J.P. // *Patrologia Graeca*. T. 26. Cols. 12–525. 45a <http://patristica.net/graeca/> [13]); Афанасий Александрийский. *De Incarnatione verbi dei* 54, «Ибо Он был сделан человеком, чтобы мы могли стать Богом» (По-гречески: *Autos gar enênthrôpêsen hina hêmeis theôpoiêthômen*)» (см.: Афанасий Александрийский. *De Incarnatione verbi dei* / ed. Migne J.P. // *Patrologia Graeca*. T. 25. 192b. <http://patristica.net/graeca/> [14]).

¹² См.: Соловьев В.С. Три свидания // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 80–86.

¹³ См.: Davidson Pamela. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov; a Russian Symbolist's Perception of Dante*. С. 84.

agination of Vyacheslav Ivanov, показали, что стремление символистов объединить Беатриче с Софией и Девой Марией недостаточно обосновано. Чтобы прояснить различия образов Беатриче, Софии и Девы Марии, для начала стоит отметить, что Соловьев читал Данте с позиции романтизма, распространённого в конце XIX века в поэзии и культуре¹⁴. Отстраняясь от рационализма, романтики ценили прямое лирическое выражение эмоций и чувств; это означало отказ от искусственности и явный интерес к поэтической структуре и композиции, включая аллегорическую персонификацию¹⁵. Что касается поэзии Данте, то наибольшее внимание в России привлекла его «Божественная Комедия» (в части «Ад»); любовные стихи Данте ценились за яркое выражение переживания любви к леди Биче из Флоренции XIII века (в меньшей степени – к небесной леди, олицетворяющей «мудрость в раю»). Соловьев тоже ценил искренность и простоту чувств. Он использует стихотворения Данте, чтобы изобразить Софию как существующую реальность¹⁶. Соловьев протестовал против трактовки образа Софии как «олицетворения» абстрактной мудрости¹⁷. Данте явно привлекал Соловьева автобиографическим подходом к выражению любви к Беатриче как женщине, укоренённой в исторической реальности.

С точки зрения романтизма в искусстве и культуре Соловьев ценил Данте как социального пророка, задачу которого он сам понимал как теургическую роль посредника между божественным и человеческим в целях воплощения идеального в материальной реальности¹⁸. Эта оценка Соловьевым Данте опиралась также на его прочтение трактата «О монархии», особенно в развитии идеи о «свободной теократии», позволяющей отвести царю, трудящемуся вместе с Папой римским над созданием всемирной христианской империи, особую роль в защите церкви (без слияния церкви и государства, как в ветхозаветном теократическом государстве)¹⁹. Чтобы читать Данте в подлиннике, Соловьев изучал итальянский язык и даже перевел на русский как минимум два любовных стихотворения Данте. Он часто цитирует итальянского автора в своих литературно-

¹⁴ См.: Асоян Арам А. Данте в русской культуре. М.: Humanitas, 2015. С. 24–52 [15].

¹⁵ См.: Potthoff Wilfried. Dante in Russland. С. 182.

¹⁶ См.: Helleman. Solovyov's Sophia. С. 109–114.

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 9. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 185–188; Соловьев В.С. La Russie et l'église universelle. С. 263–264.

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 6. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 33–74. См. также: Соловьев В.С. Общий смысл искусства. Там же. С. 75–90.

¹⁹ См.: Dante Alighieri. Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana. Michele. С. 329–381; Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 91–105. См. также: Florovsky G. Vladimir Solov'ev and Dante: the Problem of Christian Empire // For Roman Jakobson. Essays in the occasion of his sixtieth birthday. The Hague: Mouton, 1956. С. 152–160, esp. 158–60 URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/vladimir-solovev-i-dante-zadacha-hristianskoj-imperii/ [16].

критических трудах, а также в «Оправдании добра»²⁰. Кульминацией этого соловьевского увлечения итальянским автором стало косвенное упоминание о Беатриче в позднем стихотворении Соловьева «Три свидания»²¹. Таким образом, свидетельства этих ссылок не оставляют сомнений в постоянном обращении Соловьева к работам Данте при обсуждении широкого круга вопросов.

В изображении Софии как образа мудрости для Соловьева, как и Беатриче для Данте, было важно соединить это изображение мудрости с женской красотой и любовью. Учитывая многовековое историческое развитие, разделяющее двух авторов, естественно ожидать серьезных различий в способе такого соединения. Данте был выдающимся поэтом, который также писал философские эссе, но отличался, прежде всего, поэтическим мастерством, будь то сонет или песня (canzone). В отличие от Соловьева, Данте не питал отвращения к аллегориям, будь то оригинальное сочинение или переработка-интерпретация²². Соловьев, в свою очередь, известен как выдающийся философ, который также писал стихи и был готов рискнуть профессиональной репутацией, занимаясь спиритизмом и оккультизмом, чтобы найти новую основу для своей метафизики²³. Несмотря на эти различия, примечательно, что между Соловьевым и Данте существуют близкие параллели. В частности, можно отметить сходство в их понимании философии и мудрости, а также важной роли мистического единства.

*Любовь к Даме как путь любви к Богу:
тема, основанная на христианском платонизме*

Рассуждения выше подводят нас ко второй основной теме настоящего исследования – платонизм как важный фактор в изображении Софии, в образе которой раскрываются темы любви, красоты и мудрости. Платонизм известен тем, что оценивает мир, в котором мы живем, мир переходов и изменений, с точки зрения «высшего» мира идеальных и неизменных архетипов, в которых коренятся явления нашего мира. В частности, для Данте и Соловьева важно отметить роль неоплатонизма, поскольку оба апеллируют к окончательному мистическому видению с его решительно монистическим акцентом на Всеединстве.

Разработка платонической темы особенно важна для решения двух сложных вопросов. Первый из них касается указаний на двойственную роль Софии, особенно потому, что у поэтов-символистов признается двойственность женской красоты

²⁰ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев Владимир Сергеевич. Собр. соч. В 12 т. Т. 8. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 3–516. См. также: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 122–137 (особенно С. 136–137).

²¹ См.: Соловьев В.С. Три свидания // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 80–86.

²² См.: Singleton Charles. Dante's Commedia, Elements of Structure. Dante Studies № 1. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1977. 98 p. [17]; Hollander Robert. Dante Theologus-Poeta // Dante Studies. 1976. № 94. С. 91–136 [18].

²³ См.: Solovyov S.M. Vladimir Solovyov: His Life and Creative. Fairfax VA: Eastern Christian Publications, 2000. С. 64–65, 124, 129–130 [19].

и обманчивость женской внешности. Вдохновленные гностической Софией, такие поэты, как Д. Мережковский и А. Блок (в его поэме «Незнакомка»), признавали женскую красоту искушением²⁴. Признаки двойственности женской красоты можно обнаружить и в рукописях В.С. Соловьева. Например, в «Ла София» он пишет о «разделенной» Софии²⁵. Некоторые исследователи, такие как В. Зеньковский и А. Козырев²⁶, приписывают Соловьеву метафизический (гностический) дуализм. С нашей точки зрения, метафизический (гностический) дуализм не является определяющей чертой философии Соловьева.

В нашем исследовании мы пришли к выводу о том, что с первых своих работ Соловьев искал целостное знание, объединяющее эмпирическое и рациональное начало с религиозным пониманием. Такая интеграция целостного знания предполагалась в трех обширных областях: 1) в теософии, объединяющей науку, философию и эстетику с религией и теологией, очевидной в его метафизической теории в «Ла София», а также в представлении завершения мировой истории как достижения полного всеединства, когда будет «все в одном» и «всё во всём» (1 Кор. 15.28); 2) в свободной теократии, занимающей промежуточное положение между славянской тенденцией отождествлять церковь и государство и либеральной демократией Запада; и 3) в теургии как в пророческой задаче поэта низвести или воплотить Софию в человеческую реальность²⁷. Соловьев был не только академическим писателем и публицистом, он высоко ценил поэзию и искусство, пробуждающие осуждение могущественного присутствия царственной, прекрасной и сострадательной Софии.

Второй серьезной проблемой в соловьевском осмыслении Софии является присвоение ей божественных атрибутов и титулов: божество, богиня. Для нас особенно интересно, что эта проблема имела прецедент: Данте в своих ранних поэмах (поэмах № 8, 19, 24 в сборнике «Vita Nuova»²⁸) описывал Беатриче языком «спасения и искупления». Для обоих авторов использование божественных атрибутов может быть объяснено, по крайней мере частично, с точки зрения поэтической свободы, когда восхваления легко достигают превосходных степеней. Однако между двумя этими персонажами – Софии и Беатриче – с самого начала была значительная разница в онтологическом статусе: Беатриче Данте имела реальный исторический прообраз и первоначально предстала как объект любви человека. В «Божественной Комедии», как мы знаем, Данте встретил ее возле могилы, и ее роль небесного учителя и сострадательного наставника, созданная по образцу Леди

²⁴ См.: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 45 (и примечание 168).

²⁵ См.: Rouleau F., Soloviev V. La Sophia et les autres écrits français. С. 51.

²⁶ См.: Zenkovsky V.V. A History of Russian Philosophy. In 2 vol. С. 494; Козырев А.П. Парадоксы незавершенного трактата: к публикации перевода французской рукописи Владимира Соловьева «София» // Логос. 1991. № 2. С. 152–170, 153–155 [20]; Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин, 2007. 544 с. [21].

²⁷ См.: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 9–14, 16–17.

²⁸ См.: Dante Alighieri. Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana. С. 3–49; Williams Charles. The Figure of Beatrice: A Study in Dante. London: Faber and Faber, 1943. С. 21–22 [22].

Философии Бозция, тесно связала ее с небесной Девой Марией. Для В. Соловьева София всегда была сверхъестественным, метафизическим существом, а не человеком²⁹. И все же, хотя Соловьев, находящийся под влиянием романтизма, отвергает персонификацию в своих рассуждениях, в драматическом диалоге («Ла София») он наделяет Софию человеческими чертами, говоря, например, о ее глазах³⁰.

Как еще он мог бы объяснить своим слушателям значение женского образа, столь абстрактно определяемого в «Чтениях о Богочеловечестве» как пассивное производное от единства человечества (где Христос, Логос, отмечен как активно производящий единство)³¹? Подобно небесной Деве Марии, София представляет собой идеал искупленного и безгрешного человечества. Историческая Мария, изображенная в «La Russie et l'église universelle» как мать Христа, была определена как первое совершенное женское воплощение Софии. Соловьев пишет о Деве Марии как об олицетворении Церкви как тела Христова, и в этом отношении как о совершенном (андрогинном) человечестве³², с ролью, практически идентичной роли Софии.

Любовь Данте к Беатриче содержит страстный и чувственный оттенок, подобно любви, изображаемой в стихах придворных поэтов-трубадуров. «Божественная комедия» не отрицает такую любовь, но указывает на ее недостаточность³³. Эта любовь должна быть преобразована в духовное стремление к Богу³⁴. Стремясь достойно похвалить женщину, как это показано в поэме № 42 в «Vita Nuova»³⁵, Данте знает, что такая похвала требует и духовной основы, а не только меняющегося совершенного телесного образа. Даже в любовной поэзии он распознает ее красоту с точки зрения идеала, согласно которому измеряется вся красота³⁶, что дает важный ключ к пониманию восхваления красоты Беатриче в «Божественной Комедии», где она представляет собой парадигму женской красоты как

²⁹ См.: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 174, 205.

³⁰ См.: Rouleau F., Soloviev V. La Sophia et les autres écrits français. С. 6.

³¹ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 3. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 114–115.

³² См.: Соловьев В.С. La Russie et l'église universelle. С. 263–264 [5]; Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 3. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 122, 126–127. См. также: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 273–274, 302–303.

³³ См.: Dante Alighieri. La Divina Commedia // Dante Alighieri. Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana. Michele. 2nd ed. Firenze: Nella Sede della Società, 1960 (Purgatorio, 31.19–21, 31–36, 49–51, 85–88).

³⁴ См.: Dante Alighieri. La Divina Commedia // Dante Alighieri. Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana. Michele. 2nd ed. Firenze: Nella Sede della Società, 1960 (Paradiso, 18.15). См. также: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 211, 235, 238–39, 241–243.

³⁵ См.: Dante Alighieri. Il convivio // Dante Alighieri. Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana. Michele. 2nd ed. Firenze: Nella Sede della Società, 1960. Trattato 2, capitolo 7.

³⁶ См.: Данте Алигьери. Vita Nuova 19; Il convivio 3.6; «Божественная Комедия» («Чистилище» Dante Alighieri. Vita Nuova, 19; Il convivio 3.6; La Divina Commedia (Purgatorio, 31.49–51).

божественную женственность и архетип человеческой сущности³⁷. Таким образом, идеализация женщины у Данте играет важную роль в его будущем воссоединении с Беатриче как духовном паломничестве к своей цели – блаженному видению. Со-зерцание красоты Беатриче приближает его к осуществлению этой цели³⁸.

Данте унаследовал эту тему «любви к прекрасному» как суть *паломничества в любви к Богу* от Платона через Оригена, Августина и францисканцев. Многие известные исследователи средневековой философии и теологии, такие как Этьен Анри Жильсон (Etienne Gilson), возводят идеи Данте к аристотелизирующему богословию Фомы Аквинского³⁹. Однако мы также можем отметить бесспорное влияние платонизма на поэзию Данте. Персонификация женщины у Данте как олицетворения «любящего обращения к мудрости»⁴⁰ не помещает ее в контекст понимания Фомы Аквинского, который обозначал философию как служанку богословия⁴¹, но коррелирует с философией Августина Блаженного, который фактически отождествлял философию с самой мудростью⁴².

В частности, в «Исповеди» Августин смело использовал язык любви, чтобы изобразить стремление души к божественной красоте и к мистическому видению Бога⁴³. Истоки этой темы восходят к диалогу Платона «Пир», изображающему Эрос как истинного философа, стремящегося к мудрости через любовь к красоте на лестнице любви, как переход от материального к обладанию божественными бестелесными архетипами истины и красоты, абсолютной красоты, в поисках счастья⁴⁴. Эти архетипы были восприняты Филоном Александрийским и христианскими платониками (а также неоплатониками), чтобы представить Идеи в божественном Разуме как саму Мудрость; это были идеальные прототипы, с помощью которых Логос создал известный нам мир.

Среди платоников существовала дуалистическая тенденция, которая проявлялась в негативном отношении к нашему миру как к несовершенной и зыбкой копии высшей реальности⁴⁵. Неоплатоники воспринимали наш мир более

³⁷ См.: Helleman. The Feminine Personification of Wisdom. С. 215, 232–233, 245.

³⁸ См.: Dante Alighieri. La Divina Commedia (Paradiso, 14.40–42; 18.15; 28.12).

³⁹ См.: Gilson Etienne. Dante the Philosopher / trans. by Moore D. NY: Sheed and Ward, 1949. 338 с. [23].

⁴⁰ См.: Данте Алигьери. Il convivio 3.12.

⁴¹ См.: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 97–98, 357–358.

⁴² См.: Helleman Wendy E. The Feminine Personification of Wisdom. С. 180–182, 265–268. См. также Данте Алигьери. Il convivio 2.14–15; 3.15.

⁴³ См.: Августин Аврелий «Исповедь» (10: 27): «Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная, поздно полюбил я Тебя! («Sero te amavi, pulchritudo tam antiqua et tam nova, sero te amavi!»); Verheijen L., Woldring I., Hoogveld L. (eds.). Aurelii Augustini Confessionum Libri XIII. Zwolle: Tjeenk Willink, 1964. С. 158 [24].

⁴⁴ Plato. Symposium 201b–204c, 210b–211c. См.: Hamilton E, Cairns H. (eds). Plato: The Collected Dialogues of Plato. NY: Bollingen, 1963. С. 525–574 [25]. См. также: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 249, 342–345.

⁴⁵ См.: Florovsky G. Creation and Creaturehood // Florovsky G. The Collected Works. T. 3. Creation and Redemption. Belmont, MA: Nordland, 1972. С. 43–78 [26].

позитивно – как эманацию высшего идеала, как мир, в котором сотворенная реальность в полной мере отражает эти архетипы. Подобное восприятие мира свойственно и францисканцам (таким как Гуго Викторинец⁴⁶ и Бонавентура), которые оказали влияние на становление Данте⁴⁷. Для этого подхода, обычно называемого экземплиризмом, характерно соответствие между материальным и духовным/идеальным царством, рассмотрение первого через примеры или отражения божественных архетипов в нашем мире⁴⁸. Данте также был вдохновлен францисканской поэзией, восхваляющей Даму (т.е. Деву Марию), что побуждало его развить рыцарскую поэзию трубадуров.

Признание роли экземплизма, зачастую игнорируемого многими современными исследователями⁴⁹, на наш взгляд, важно для понимания образа Беатриче, ее искупительной роли. Образ Беатриче у Данте создается с использованием выражений, более уместных для самого Христа. Во времена Данте этот язык осуждался как кощунственный, а ранние издания его стихов подвергались цензуре⁵⁰. Его похвала Даме изображала ее не только как идеал женственности, но и как приближение к архетипу самого Человечества. Как же тогда Беатриче соотносится с Девой Марией как истинной Царицей Небесной? Внимательное изучение образа Беатриче в «Божественной комедии» показывает, что она явилась в ответ на просьбу о заступничестве, обращенную к Марии как Престолу Мудрости и к Христу как самой божественной Мудрости⁵¹. В этом контексте и следует понимать бурную похвалу в высшей степени идеализированной Беатриче. Для Данте как «паломника» она являлась символом, фигурой (*figura*)⁵² или прообразом Марии и самого Христа. С точки зрения экземплиристского понимания ее роль была аналогична роли Марии и Христа, но при этом не смешивалась с ними. Беатриче выступает в качестве примера экземплизма – она превозносится как выразительница божественных качеств, но при этом подчёркивается ее отдельная личная идентичность. Такой подход ясно показывает, как избежать слияния или размывания идентичностей, свойственных поэтам-символистам.

Экземплизм, представление об отражении божественных качеств в творении, позволяет нам увидеть параллели образов Беатриче у Данте и Софии

⁴⁶ См.: Соловьев В.С. Гуго Викторинец // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. Т. 12, С. 574–576.

⁴⁷ См.: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 239, 261–62, 356, 358.

⁴⁸ См.: Helleman. The Feminine Personification of Wisdom. С. 172, 188.

⁴⁹ См.: Асоян Арам А. Данте в русской культуре. С. 8–174; Бесчетнова Е.В. Рецензия на книгу: Helleman W.E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. Lewiston NY.: Mellen, 2010 // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 177–178 [27].

⁵⁰ См.: Williams Charles. The Figure of Beatrice: A Study in Dante. С. 21–22.

⁵¹ См.: Dante Alighieri. Il convivio 3.6; 3.11–15.

⁵² О рассмотрении Эрихом Ауэрбахом образа Беатриче как типа Марии или типа Христа см.: Auerbach Erich. "Figura". Scenes from the Drama of European Literature / trans. by Ralph Mannheim. NY., 1959. 249 p.; repr. Gloucester, MA: P. Smith, 1973. С. 11–76, esp. 73 [28]; Davidson Pamela. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov; a Russian Symbolist's Perception of Dante. С. 86.

у Соловьева, даже несмотря на существенные отличия экземпляристского понимания Соловьева, особенно в его эстетике. Но оба автора признавали своих Дам достойными объектами любви, воплощением красоты и квинтэссенцией женственности, способными указывать путь в поисках Любви и воплощающими преобразующий характер красоты. Мы считаем, что Соловьев едва ли признал бы флорентийскую Беатриче XIII века воплощением Софии, как он делал это в отношении исторической Девы Марии. Иной является связь небесной Беатриче и Софии: Беатриче ведет паломника к блаженному видению, поскольку она идеализирована как образец человеческой сущности в платонической традиции. Таким образом, ее роль близка к роли Софии у Соловьева, которая также сильно идеализирована (не имеет исторической основы).

Здесь уместно вспомнить, что для России конца XIX века христианский платонизм оставался приемлемым подходом в философии, восходящим к каппадокийским отцам IV в.⁵³ Христианский платонизм обладал очевидными преимуществами перед тогдашними альтернативными позитивизмом, материализмом или социализмом. Несомненно, что сам Соловьев был хорошо знаком с платонизмом, о чем говорят его статьи для энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона⁵⁴, а также его участие в переводе на русский язык диалогов Платона и работы «Жизненная драма Платона»⁵⁵.

Несмотря на резкую критику позитивизма, Соловьев с самого начала тянулся к науке и продолжал высоко ценить ее, хотя и был склонен к более дуалистическому подходу в платонизме. Однако работа над осуществлением теургической задачи побуждала его к более позитивному подходу, выраженному в экземпляризме, который рассматривает наш мир, полный типов и символов, как отражение, приближенное к божественным идеальным архетипам. Таким образом, мы приходим к выводу, что экземляризм лежал в основе теургического понимания Соловьевым искусства как божественного императива воплощения божественного идеала в низшей материальной реальности. Этот тезис очень важен при объяснении использования возвышенной лексики для создания образа Софии как богини или божества⁵⁶.

Подобный подход заметен и в трактовке образа Марии как первого совершенного воплощения Софии в работе «La Russie», где Соловьев тщательно разграничивает историческую Марию как Богородицу (Theotokos) и Софию как божественный женский архетип и образец человеческой сущности; человеческая Мария – всего лишь одно воплощение Софии. С другой стороны, в работе «Идея

⁵³ См.: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 335–336.

⁵⁴ См.: статьи В.С. Соловьева «Николай Кузанский» (т. 10, с. 437–439), «Гуго Викторинец» (т. 12, с. 574–576) в Брюссельском издании сочинений.

⁵⁵ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 9. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С.194–243.

⁵⁶ См.: Helleman Wendy E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. С. 307–310, 327–328, 332.

человечества у Августа Конта» философ присваивает Марии более возвышенную роль – роль Царицы Небесной и со-искупительницы, в согласии с папской буллой 1854 г., в которой провозглашалось «непорочное зачатие Пресвятой Девы»⁵⁷. Его изысканная похвала Марии, помещенная им в перевод молитвенной поэмы Петрарки, использует описательную терминологию, которая в другом месте приписывается Софии⁵⁸. Даже в работе «Россия и Вселенская Церковь» (*La Russie et l'église universelle*) Соловьев отмечал, что русское почитание божественной женственности в Софии должно рассматриваться как вклад русских православных в мировое христианство. Мы считаем весьма вероятным, что восприятие Марии католическим христианством XIX века побудило Соловьева изобразить Софию не просто как православный эквивалент Девы Марии, но как православное усиление ее роли через признание божественной женственности⁵⁹.

Если довод о влиянии Данте на Соловьева остается в некоторой степени косвенным, то количество цитат из произведений Данте в творчестве Соловьева говорит само за себя. Кроме того, в образе соловьевской Софии поэты-символисты, такие как А. Блок, распознавали отголоски образа Беатриче.

В нашем исследовании мы рассмотрели параллели в подходах итальянского поэта и мыслителя XIII века и русского философа XIX века к темам Любви, Красоты и Мудрости. Отметим общие черты, уходящие корнями в христианский платонизм, особенно в его позитивной оценке нашего мира как творения Бога, хотя и падшего, но способного искать искупления, проявляя идеальный божественный мир в контексте падшего мира.

В результате проведенного сравнительного анализа женских образов в творчестве названных мыслителей мы согласились с выводами известной исследовательницы Памелы Дэвидсон (*Pamela Davidson*) о существенной модификации символистского подхода к сближению образов Беатриче и Софии. Признаем, что важным фактором в эстетической оценке Соловьевым творчества Данте был романтизм. Но при этом нами было отмечено, что в позднем стихотворении «Три свидания» Соловьев использовал числовую символику, широко распространенную и в поэзии Данте⁶⁰, которая вместе с узнаваемым женским образом также указывает на влияние итальянского поэта, в некоторой степени превосходящее практику символистов.

Соловьев специально завершает стихотворение «Три свидания» коротким замечанием о своем желании угодить некоторым дамам, а также поэтам. Когда на первый план выходит символический аспект, представляющий Софию как олицетворение мудрости, мы понимаем, что с точки зрения эстетических принципов Соловьев, возможно, хотел избежать сложной литературной конструкции,

⁵⁷ См.: Соловьев В.С. *Идея человечества у Августа Конта* // Соловьев Владимир Сергеевич. *Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 9. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 186.

⁵⁸ Там же. Т. 12, С. 53–55.

⁵⁹ См.: Соловьев В.С. *La Russie et l'église universelle*. С. 263–264.

⁶⁰ См.: Helleman. *The Feminine Personification of Wisdom*. С. 210, 223, 225, 231.

метафор и персонификаций, желая выразить реальность Софии как действенной силы для преобразования нашего падшего мира. Но на практике он прибег к драматизации, персонификации и диалогам с поразительными образами, чтобы представить ее красоту, живую и действенную, в божественном отклике на человеческий призыв. Он использовал персонификацию как форму искусства для воплощения идеала в привлекательном облике. Означает ли это, что В. Соловьев отказался от своих принципов? На наш взгляд, нет, так как драматизацию можно признать лишь способом решения им теургической задачи, а использование философом персонификации – формой поэтического воплощения идеала. В завершающей части произведения Владимира Соловьева «Три свидания» мы находим одно из наиболее интересных и важных пересечений В. Соловьева и Данте в мистическом опыте русского мыслителя. Презентация Владимиром Соловьевым мистического опыта всеединства в образе Софии⁶¹ явно перекликается с мощным опытом, описанным Данте в конце его «Божественной комедии», когда вся реальность объединяется так же, как единство в Боге.⁶²

Список литературы

1. Данченко В.Т. Данте Алигьери: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке, 1762–1972 / Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит. М.: Книга, 1973. 266 с.
2. Davidson Pamela. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov; a Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge UK: University Press, 1989. 319 p.
3. Potthoff Wilfried. Dante in Russland. Zur Italienrezeption der russischen Literatur von der Romantik zum Symbolismus. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1991. 682 p.
4. Helleman Wendy E. Solovyov's *Sophia* as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's *Beatrice*. Lewiston NY.: Mellen, 2010. 403 p.
5. Соловьев В.С. *La Russie et l'église universelle*. Paris: Librairie Stock, 1922. 336 с.
6. Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений / под ред. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. СПб.: Просвещение, 1911–1914.
7. Helleman Wendy E. The Feminine Personification of Wisdom: A Study of Homer's Penelope, Cappadocian Macrina, Boethius' *Philosophia*, and Dante's *Beatrice*. Lewiston NY.: Mellen, 2009. 336 p.
8. Dante Alighieri. *Le Opere di Dante: Testo Critico della Società Dantesca Italiana*. Michele. 2nd ed. Firenze: Nella Sede della Società, 1960; Firenze: R. Bemporad, 1921. 933 с.
9. Dante Alighieri. *The Convivio* [Электронный ресурс] / trans. by Lansing Richard H. NY.: Garland, 1990. 274 p. URL: <http://dante.ilt.columbia.edu/books/convivi/index.html/>
10. Rouleau F., Soloviev V. *La Sophia et les autres écrits français*. Lausanne: L'Age d'homme/la cité, 1978. 367 p.
11. Козырев А.П. Ла София // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 8–161.
12. Zenkovsky V.V. A History of Russian Philosophy. In 2 vol. / trans. by George L. Kline. NY.: Columbia University Press; London: Routledge and Kegan Paul, 1953. 465 p.
13. Афанасий Александрийский. *Orationes contra Arianos* / ed. Migne J.P. // *Patrologia Graeca*. T. 26. Cols. 12–525. <http://patristica.net/graeca/>
14. Афанасий Александрийский. *De Incarnatione verbi dei* / ed. Migne J.P. // *Patrologia Graeca*. T. 25. Cols. 95–197. <http://patristica.net/graeca/>

⁶¹ См.: Соловьев Владимир Сергеевич. Собрание сочинений. Т. 12. С. 84.

⁶² См.: Данте Алигьери. «Божественная Комедия» («Рай» 33.117).

15. Асоян Арам А. Данте в русской культуре. М.: Humanitas, 2015. 288 с.
16. Florovsky G. Vladimir Solov'ev and Dante: the Problem of Christian Empire // For Roman Jakobson. Essays in the occasion of his sixtieth birthday. The Hague: Mouton, 1956. С. 152–160. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/vladimir-solovev-i-dante-zadacha-hristianskoj-imperii/
17. Singleton Charles. Dante's Commedia, Elements of Structure. Dante Studies № 1. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1977. 98 p.
18. Hollander Robert. Dante Theologus-Poeta // Dante Studies. 1976. № 94. С. 91–136.
19. Solovyov S.M. Vladimir Solovyov: His Life and Creative. Fairfax VA: Eastern Christian Publications, 2001. 542 p.
20. Козырев А.П. Парадоксы незавершенного трактата: к публикации перевода французской рукописи Владимира Соловьёва «София» // Логос. 1991. № 2. С. 152–170.
21. Козырев А.П. Соловьёв и гностики. М.: Изд. Савин, 2007. 544 с.
22. Williams Charles. The Figure of Beatrice: A Study in Dante. London: Faber and Faber, 1943. 236 p.
23. Gilson Etienne. Dante the Philosopher / trans. by Moore D. NY.: Sheed and Ward, 1949. 338 p.
24. Verheijen L., Woldring I., Hoogveld L. (eds.). Aurelii Augustini Confessionum Libri XIII. Zwolle: Tjeenk Willink, 1964. 246 p.
25. Hamilton E, Cairns H. (eds). Plato: The Collected Dialogues of Plato. NY.: Bollingen, 1963. 1743 p.
26. Florovsky G. Creation and Creaturehood // Florovsky G. The Collected Works. Vol. 3. Creation and Redemption. Belmont, MA: Nordland, 1972. С. 43–78.
27. Бесчетнова Е.В. Рецензия на книгу: Helleman W.E. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice. Lewiston NY: Mellen, 2010 // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 177–178.
28. Auerbach Erich. "Figura". Scenes from the Drama of European Literature / trans. by Ralph Mannheim. NY, 1959. 249 p.; repr. Gloucester, MA: P. Smith, 1973. С. 11–76.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dante, Alighieri. *Le Opere di Dante, Testo Critico della Società Dantesca Italiana* [The Critical Text of the Works of Dante Alighieri, of the Italian Dante Society]. Florence: Nella Sede della Società, 1960; Florence: R. Bemporad, 1921. 933 p.
2. Hamilton, E., Cairns, H. eds. Plato: The Collected Dialogues of Plato. New York: Bollingen, 1963. 1743 p.
3. Migne, J.P. ed. *Patrologia Graeca. Patrologiae Cursus Completus. 1844–1880*. Paris: Garnier. 161 vols. <http://patristica.net/graeca/>.
4. Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva* [Collected work of Vladimir Sergeevich Solov'ev]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1966–1970. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1911–1914.
5. Verheijen, L., Woldring, I., Hoogveld, L. Aurelii Augustini Confessionum Libri XIII. Zwolle: Tjeenk Willink, 1964. 246 p.

Individual Works

6. Asoyan, Aram A. *Dante v russkoy kul'ture* [Dante in Russian culture]. Moscow: Humanitas, 2015. 288 p.
7. Athanasius. De Incarnatione verbi dei [On the Incarnation of the Word], in *Patrologia Graeca*, vol. 25, pp. 95–197. <http://patristica.net/graeca/>
8. Athanasius. Orationes contra Arianos [Orations against the Arians], in *Patrologia Graeca*, vol. 26, pp. 12–525. <http://patristica.net/graeca/>

9. Danchenko, V.T. *Dante Alig'eri. Bibliograficheskiy ukazatel' russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke, 1762–1972* [Dante Alighieri. A bibliographical index of Russian translations and critical literature in the Russian language]. Moscow: Kniga, 1973. 266 p.
10. Davidson, Pamela. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov; a Russian Symbolist's Perception of Dante*. Cambridge UK: University Press, 1989. 319 p.
11. Gilson, Etienne. *Dante the Philosopher*. New York: Sheed and Ward, 1949. 338 p.
12. Helleman, Wendy E. *The Feminine Personification of Wisdom: A Study of Homer's Penelope, Cappadocian Macrina, Boethius' Philosophia, and Dante's Beatrice*. Lewiston NY: Mellen, 2009. 336 p.
13. Helleman, Wendy E. *Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice*. Lewiston NY: Mellen, 2010. 403 p.
14. Kozyrev, A.P. *Solov'ev i gnostiki* [Solovyov and the gnostics]. Moscow: Savin, 2007. 544 p.
15. Kozyrev, A.P. *La Sophia*, in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 2* [The complete collected work and letters in 20 vol., vol. 2]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 8–161.
16. Lansing, Richard H. trans. *Dante Alighieri. The Convivio*. New York: Garland, 1990. 274 p.
17. Potthoff, Wilfried. *Dante in Russland. Zur Italienrezeption der russischen Literatur von der Romantik zum Symbolismus*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1991. 682 p.
18. Solovyov, S.M. *Zhizn' i tvorcheskaia evoliutsiia Vladimira Solov'eva* [Vladimir Solovyov: His Life and Creative Evolution]. Fairfax VA: Eastern Christian Publications, 2001. 542 p.
19. Solov'ev, V.S. *La Russie et l'église universelle*. Paris: Librairie Stock, 1922. 336 p.
20. Soloviev, V.S. *La Sophia*, in F. Rouleau ed. *La Sophia et les autres écrits français*. Paris: L'Age d'homme / la cité, 1978, pp. 3–77.
21. Williams, Charles. *The Figure of Beatrice: A Study in Dante*. London: Faber and Faber, 1943. 236 p.

(Articles from Scientific Journals)

22. Beschetnova, E.V. Review Helleman W.E. *Solovyov's Sophia as a Nineteenth-century Russian Appropriation of Dante's Beatrice*. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 4, pp. 177–78.
23. Hollander, Robert. *Dante Theologus-Poeta*. *Dante Studies*, 1976, no. 94, p. 91–136.
24. Kozyrev, A.P. *Paradoksy nezavershennogo traktata; k publikatsii perevoda frantsuzskoy rukopisi Vladimira Solov'eva «Sofiya»* [Paradoxes of the uncompleted treatises: for the publication of a translation of the French manuscripts of Vladimir Solov'ev's "Sophia"], in *Logos*, 1991, no. 2, pp. 152–170.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

25. Auerbach, Erich. "Figura". *Scenes from the Drama of European Literature*. New York, 1959. 249 p.; repr. Gloucester MA: P. Smith, 1973, pp. 11–76.
26. Florovsky, G. *Creation and Creaturehood*, in Florovsky, G. *The Collected Works. Vol. 3. Creation and Redemption*. Belmont, MA: Nordland, 1972, pp. 43–78.
27. Florovsky, G. *Vladimir Solov'ev and Dante: The Problem of Christian Empire*. For Roman Jakobson. The Hague: Mouton, 1956, pp. 152–160.

(Monographs)

28. Singleton, Charles. *Dante's Commedia, Elements of Structure*. *Dante Studies* № 1. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1977. 98 p.